

© 2014 г. В.Ю. АПРЕСЯН

КОНТРОЛЬ И ОТРИЦАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЙ*

В статье рассматривается семантическая структура разных типов предикатов и их взаимодействие с отрицанием. В работе анализируются три типа предикатов – физические каузативы (типа *налить, вбить, стащить*), эмоциональные каузативы (типа *злить, расстраивать, обижать, радовать*), интерпретативы (типа *грешить, баловать, ошибаться*). Их значения состоят из двух компонентов: ‘действие’ и ‘результат’ (физическое состояние, эмоциональная реакция или интерпретация), причем в сферу действия отрицания может входить либо ‘результат’, либо и ‘действие’, и ‘результат’. В работе делается предположение о зависимости статуса компонента ‘действие’ в семантической структуре предиката и, соответственно, сферы действия отрицания над этим предикатом от наличия в его значении системообразующего смысла ‘контроль’. Чем выше степень контроля агенса над результатом, тем теснее каузальная связь между действием и результатом и тем более неразрывно соединены в семантической структуре предиката компоненты ‘действие’ и ‘результат’. Тесно взаимосвязанные компоненты ‘действие’ и ‘результат’ принадлежат к одному уровню семантической структуры (ассерция), и действие отрицания распространяется на оба компонента. Чем меньше степень контроля агенса над результатом и чем слабее и опосредованнее связь между действием и результатом, тем менее связаны в семантической структуре предиката компоненты ‘действие’ и ‘результат’. Таким образом, эти компоненты принадлежат к разным уровням семантической структуры (пресуппозиция и ассерция), и отрицание естественным образом распространяется только на ассерцию.

Ключевые слова: каузатив, интерпретатив, контроль, агенс, лаборатив, конатив, пресуппозиция, ассерция, имплицитив, отрицание, сфера действия

The paper examines the semantic structure of different types of predicates as well as their interaction with negation. Three types of predicates are considered – physical causatives (such as ‘to pour’, ‘to punch in’, ‘to drag’), emotional causatives (such as ‘to anger’, ‘to sadden’, ‘to hurt one’s feelings’, ‘to please’), interpretatives (such as ‘to sin’, ‘to spoil’, ‘to make a mistake’). Their semantic structures include two components: ‘action’ and ‘result’ (which can be a physical or an emotional state, or an interpretation). The hypothesis is that the status of the component ‘action’ in the semantic structure of the predicate and, hence, its interaction with negation, are contingent on the degree of control that this action implies. The greater is the degree of control, the closer are causal relations between the action and its result; therefore, these two semantic components are inextricably connected in the semantic structure. They belong to the same level of semantic representation, namely, to its assertive part and can, therefore, be negated. The lower is the degree of control, the weaker are causal relations between the action and its result; therefore, these two semantic components belong to different levels of semantic representation, namely, to its presupposition (‘action’) and to its assertive part (‘result’), with only the latter being available to negation.

Keywords: causative, interpretative, control, agent, laborative, conative, presupposition, assertion, implicative, negation, scope

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 1201-0102. Оно также поддерживалось грантом РГНФ № 13-04-00307а. «Подготовка второго выпуска Активного словаря русского языка» (2013–2015), грантом НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, «Разработка материалов для Активного словаря русского языка» (2014–2015), грантом Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Создание электронной базы данных по Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» (2012–2014). Автор выражает благодарность Ю.Д. Апресяну и Е.В. Падучевой за критические замечания.

ВВЕДЕНИЕ

В статье сближаются два направления семантических исследований: с одной стороны, взаимодействие лексических единиц с отрицанием, с другой стороны, фундаментальная классификация предикатов, связывающая лексико-семантический тип предиката с его лингвистическими свойствами – видовыми значениями, сочетаемостью и т. п. Полученные в работе данные о взаимодействии разных типов предикатов с отрицанием являются еще одним подтверждением основополагающей роли смысла акциональности, который лежит в основе большинства классификаций предикатов [Маслов 1948; Булыгина 1982; Падучева 1996; 2009; Апресян 2006а]; показывается роль смысла конативности, или попытки [Маслов 1948], в интерпретации сочетаний предикатов с отрицанием; выделяется класс лабораторивов, также имеющих особые семантические свойства. Наконец, данное исследование демонстрирует, что одним из важнейших факторов, влияющих на семантическую структуру предиката и его взаимодействие с отрицанием, является наличие в значении предикатов системообразующего смысла ‘контроль’¹, что дает основания для выделения контролируемых действий в качестве особого подтипа в фундаментальной классификации предикатов. В зависимости от наличия смысла ‘контроль’ в значении предиката отрицание при этом предикате может воздействовать на все значение предиката (в случае каузативов, ‘действие’ и ‘результат’) или на его часть (‘результат’)².

В работе рассматриваются три типа предикатов – агентивные физические каузативы, агентивные эмоциональные каузативы и интерпретативы. Взаимодействие разных семантических типов предикатов с отрицанием неоднократно обсуждалось в литературе; ср., например, следующие работы: [Карловска 1990] о физических каузативах, [Богуславский 1996: 94] о предикатах со значением достаточности, [Богуславский 2004; Апресян 2006б; В. Апресян 2010] об интерпретативах, [Кустова 1996; 2004] об эмоциональных каузативах, [Апресян 2012] о глаголах со значением эмоциональных состояний. Возможность разных интерпретаций предикатов с отрицанием связывается с семантикой предиката [Апресян 2006б]; с семантикой предиката, сферой действия отрицания, коммуникативным членением [Богуславский 1996; 2004]; с коммуникативной структурой фразы и режимом употребления предиката [Кустова 1996; 2004].

В работе [В. Апресян 2013] на материале эмоциональных каузативов выдвигается гипотеза о связи сферы действия отрицания с семантикой конативности (попытки) в значении предиката. В данной работе эта гипотеза уточняется и расширяется на материале агентивных физических каузативов и интерпретативов. Показывается, каким образом степень контроля агенса над результатом действия у этих типов предикатов влияет на их семантическую структуру и в итоге на их взаимодействие с отрицанием. Кроме того, рассматривается влияние других лингвистических факторов, а именно аспектуальных характеристик предиката и конструкции, в которой он употреблен, на взаимодействие предиката с отрицанием.

1. АГЕНТИВНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ КАУЗАТИВЫ

В данной работе из всех каузативов физического воздействия рассматриваются только агентивные, по той причине, что именно они допускают разные типы взаимодействия с отрицанием; неагентивные каузативы физического воздействия взаимодействуют с отрицанием стандартным образом: а именно, каузальный компонент, который

¹ О понятии системообразующего смысла см. [Апресян 2001].

² Одним из первых обратил внимание на это явление Дж. Мак-Коли [McCawley 1972]; ср. знаменитый пример *John almost killed Harry*, которому приписываются три интерпретации в зависимости от того, какая часть значения предиката попадает в сферу действия отрицания. На русском материале это явление наиболее подробно рассматривается в работах И.М. Богуславского; ср., например, [Богуславский 1990; 1996].

у них всегда находится в пресуппозиции, не входит в сферу действия отрицания, а асертивный компонент 'результат' – входит. Ниже представлена типичная семантическая структура неагентивных каузативов в форме СОВ и их взаимодействие с отрицанием:

- (1) *X сделал Y с Z-ом*
'Объект или явление X воздействовал на объект Z (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция)'.
- (2) *Град не уничтожил посевы*
'Град воздействовал на посевы; посевы не были уничтожены'.
- (3) *Ветер не перевернул лавки*
'Ветер воздействовал на лавки; лавки не были перевернуты'.

Фразы (2) и (3) не могут быть употреблены в ситуации, когда *града* и *ветра* не было. Таким образом, интерпретация неагентивных физических каузативов с отрицанием всегда сохраняет пресуппозицию существования: факт наличия воздействия, т.е. каузальный компонент, не отрицается, отрицается только наличие результата. Соответственно, с неагентивными каузативами смысл 'действие' всегда находится в пресуппозиции и не попадает под отрицание.

Это связано с тем, что у неагентивных каузативов первая валентность – это воздействие (*снег, дождь, град, ветер, ураган, наводнение, потепление*), подобно тому, как у агентивных первая валентность – это агенс. Первая валентность не попадает в сферу действия предикативного отрицания: таким образом, у агентивных каузативов не может отрицаться наличие агенса, хотя его действие – может, а у неагентивных каузативов не может отрицаться наличие воздействия³. Это онтологически понятно: если человек или другой одушевленный агенс может существовать и бездействовать, то природное явление, или «elements» в терминологии [Mel'čuk 1995], существует в реальном мире только в своих проявлениях и упоминается тогда, когда имеет место и оказывает воздействие (поэтому названия природных явлений обычно употребляются с лексико-функциональными глаголами или образуют назывные предложения).

Нефактивные интерпретации неагентивных каузативов в принципе возможны, однако только при родовом референтном статусе подлежащего; ср. перифразировку евангельского *Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят* [= на небе нет моли и ржавчины].

У агентивных каузативов ситуация более сложная, а именно, в форме СОВ они могут допускать обе интерпретации отрицания. Ниже представлена типичная семантическая структура агентивных каузативов и примеры их взаимодействия с отрицанием:

- (4) *X сделал Y с Z-ом*
'Человек X делал нечто с объектом Z (обычно квалифицируется как пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция)'.
- (5) *Мародеры не уничтожили посевы*
  - а. 'Мародеры не пытались уничтожить посевы' – отрицание действия;
  - б. 'Мародеры пытались уничтожить посевы, но не уничтожили' [например, их остановили жители села] – отрицание результата.
- (6) *Мальчик не перевернул лавки*
  - а. 'Мальчик не пытался перевернуть лавки' – отрицание действия;
  - б. 'Мальчик пытался перевернуть лавки, но не перевернул' [например, они были слишком тяжелыми] – отрицание результата.

Таким образом, для целей данной работы интересны именно агентивные физические каузативы, которые в принципе допускают разные возможности взаимодействия с отрицанием. При этом далеко не все агентивные физические каузативы допускают

---

³ Это классическая пресуппозиция существования – объект, о котором делается высказывание, должен существовать, для того чтобы высказывание не было аномальным.

разные сферы действия (СД) отрицания; очень многие из них прагматически допускают только отрицание действия (в отличие от неагентивных, которые допускают только отрицание результата); ср.:

- (1) *Мама не причесала дочку*
'Мама не причесывала дочку; дочка не причесана'.
- (8) *Он не налил воды в чайник*
'Он не наливал воду в чайник; чайник пустой'.

Что же влияет на интерпретацию физических каузативов с отрицанием? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующие пары примеров с квазисинонимичными каузативами, где в первом примере отрицается сама попытка, а во втором – ее успех.

- (9) а. *Он не положил одежду в чемодан*
'Он не стал класть одежду в чемодан';
- б. *Он не запахнул одежду в чемодан*
'Он пытался запахнуть одежду в чемодан, но не запахнул (поскольку не было места)'.
- (10) а. *Он не вошел в вагон метро*
'Он не стал входить в вагон метро';
- б. *Он не втиснулся в вагон метро*
'Он пытался втиснуться в вагон метро, но не втиснулся (поскольку не было места)'.

Как видно из приведенных примеров, те каузативы, которые не содержат указания на усилие, имеют тенденцию к отрицанию самой попытки совершения действия, а те, которые имеют семантику лабораторивности, – к отрицанию ее успешности. С чем это связано? Дело в том, что, в отличие от неагентивных каузативов, агентивные физические каузативы предполагают высокую степень зависимости результата от действия, т.е. высокую степень контроля агенса.

Иными словами, тот факт, что говорящий производит некоторое простое физическое действие с целью получить некий результат, с высокой степенью вероятности этот результат гарантирует: когда человек *причесывает* кого-либо, обычно ему удается этого человека *причесать*, если он *кладет* куда-то свои вещи, ему удается их *положить* и т.п. Лингвистически это выражается в том, что между двумя компонентами смысла агентивных физических каузативов – действием и результатом – имеется тесная каузальная связь. Эти компоненты составляют единое целое в смысловой структуре, отчего они оба входят в ассерцию и подпадают под отрицание «вместе».

Неагентивные каузативы, напротив, не предполагают целенаправленных действий и чьего-либо контроля над происходящим, поэтому и каузальная связь между воздействием и результатом воспринимается как более случайная и слабая. Лингвистически это выражается в том, что компоненты 'воздействие' и 'результат' в меньшей мере связаны между собой в смысловой структуре: 'воздействие' входит в пресуппозицию, а 'результат' – в ассерцию, отчего под отрицание подпадает только один из них.

Лаборативность, или семантика усилия, предполагает, что агенс сталкивается с трудностями при достижении желаемого результата. Каузативы типа *втолкнуть*, *втащить*, *втиснуть*, *втиснуться* указывают именно на большие усилия, которые агенсу приходится прилагать для достижения результата. Отметим, что семантическая структура этих предикатов весьма сложна: указание на способ достижения результата является у них пресуппозицией (в работах некоторых авторов оно рассматривается как слабый смысл)⁴, а наличие указания на большое усилие влечет за собой оценочность и создает модальную рамку (о модальной рамке см., например, [Апресян 1995]). Однако наличие трудностей означает, что результат может и не быть достигнут; лингвистически это выражается в том, что у лабораторивных физических каузативов каузальная

⁴ Ср. [Зельдович 1998].

связь между действием и результатом ослаблена по сравнению с прочими агентивными каузативами, и указание на действие может переходить в пресуппозицию, становясь недоступным для отрицания.

1.1. Семантические классы агентивных физических каузативов

Агентивные физические каузативы делятся на следующие группы:

а) нелаборативные, т.е. такие, которые **не могут** указывать на то, что действие, ведущее к результату, осуществляется с усилием: *пристрелить, хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*; ср. невозможность **с трудом пристрелить* <*хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*>;

б) нейтральные в отношении лабораторивности, т.е. такие, которые **могут** указывать на усилие, но **не обязательно** на него указывают: *утопить, покрасить, сварить, задушить, накормить*; ср. возможность как *с трудом утопить* <*покрасить, сварить, задушить, накормить*>, так и *с легкостью* <*быстро*> *утопить* <*покрасить, сварить, задушить, накормить*>;

в) лабораторивные, т.е. такие, которые **обязательно** указывают на большое усилие и/или длительное время, необходимое для достижения результата: *приволочь, затащить, впахнуть, разложить, дотащить*; ср. естественность *с трудом приволочь* <*затащить, впахнуть, разложить, дотащить*> и невозможность *с легкостью <*быстро*> *приволочь* <*затащить, впахнуть, разложить, дотащить*>.

Как было сказано выше, диагностическим контекстом для сочетания с отрицанием у всех агентивных физических каузативов является форма совершенного вида, поскольку именно в этой форме у некоторых из них появляются пресуппозитивные компоненты значения, дающие разные возможности интерпретации с отрицанием. Пресуппозицией у них является действие, выражаемое соответствующим глаголом несовершенного вида; при этом наличие пресуппозиций характерно не для всех агентивных физических каузативов, а только для нейтральных и лабораторивных.

1.2. Семантическая структура разных типов агентивных физических каузативов

В семантической структуре нелаборативных физических каузативов компоненты 'действие' и 'результат' имеют статус **ассерции**, и отрицание воздействует на оба:

(11) *X сделал Y с Z-ом* = 'X сделал с Z-ом нечто, отчего Z перешел в состояние Y'.

(12) *Она не накрутила глаза*

'Она не накручивала глаза; глаза у нее не накручены'.

В семантической структуре лабораторивных физических каузативов сопровождаемое усилиями действие имеет статус **пресуппозиции**, а результат – статус **ассерции**. Дополнительно может присутствовать оценочная модальная рамка, часто негативная; ср., например, глаголы *припереть, затихать*; см. об этом [Гловинская 2004]. С такими предикатами отрицание либо не сочетается (при наличии ярко выраженной модальной рамки); ср. странность ?*Он не припер продукты*, либо воздействует только на компонент 'результат'.

(13) *X сделал Y с Z-ом* = 'прилагая большие усилия, X делал с Z-ом нечто (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция); говорящий оценивает это определенным образом (модальная рамка)'.

(14) *Он не втащил чемодан на лестницу*

'Он втащивал чемодан; он не втащил его на лестницу (например, ему не хватило сил)' – отрицание результата.

Таким образом, лаборативные физические каузативы сближаются с неагентивными каузативами по своей семантической структуре и взаимодействию с отрицанием. Свя-зано это, как было сказано выше, с понижением степени контроля агенса над ситуацией, что и сближает их с неагентивными каузативами.

В семантической структуре нейтральных каузативов указание на усилие может отсутствовать, а может возникать при наличии соответствующего контекста; можно гово-рять о наличии у них «факультативной», или «контекстной», пресуппозиции. С такими предикатами отрицание может воздействовать как на оба компонента смысла, так и только на компонент ‘результат’:

- (15) *X сделал Y с Z-ом* = ‘прилагая усилия, X сделал с Z-ом нечто (факультативная пресуппо-зиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция)
- (16) *Она не отчистила пятно на ковре*
а. ‘Она не пыталась отчистить пятно (забыла об этом)’;
б. ‘Она пыталась отчистить пятно, но не отчистила (оно не отходило)’.

Итак, лексическая семантика каузативного предиката, а именно степень контроля агенса, влияет на статус и характер каузального компонента в его семантической струк-туре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием.

2. АГЕНТИВНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КАУЗАТИВЫ

Эмоциональные каузативы, в отличие от физических, гораздо чаще бывают неаген-тивными. Если для физических каузативов прототипическими являются именно аген-тивны значения и употребления, т. е. примеры типа *Он ее убил* частотнее примеров типа *Ее убил молния*⁵, то для эмоциональных каузативов ситуация обратная: фразы типа *Ее обрадовало его появление* частотнее, чем фразы типа *Он обрадовал ее своим появлением*⁶.

Как и физические неагентивные каузативы, эмоциональные неагентивные каузати-вы имеют единообразную двухслойную семантическую структуру; у них указание на стимул, или причину, эмоции составляет **пресуппозицию**, а указание на эмоцию – **ас-серцию**; и их взаимодействие с отрицанием однозначно определяется этой структурой. Указание на событие – причину эмоции – является первой валентностью неагентивных эмоциональных каузативов и, соответственно, не может подпадать под предикативное отрицание; ср. невозможность нефактивных интерпретаций фраз типа *Ее появление обрадовало Ивана*. Неагентивные эмоциональные каузативы также не рассматриваются в данной работе; предмет нашего анализа – агентивные каузативы.

Однако агентивные эмоциональные каузативы в целом устроены совершенно ина-че, нежели агентивные физические каузативы. Если то, что происходит с физическими объектами, представляется в большей мере как результат активной целенаправленной и контролируемой деятельности агентов, то эмоции – это скорее произвольные реак-ции на события окружающего мира и гораздо реже – результат чьих-то сознательных усилий. Даже когда агенс пытается вызвать у экспериенцера некую определенную эмо-цию, его действия, направленные на это, в гораздо меньшей степени алгоритмизованы, чем при совершении физических действий, а результат в гораздо меньшей степени гарантирован.

Так, действия, направленные на достижение таких результатов, как *забить гвоздь, налить воды, помыть посуду, сварить кашу*, в высокой степени определены и заданы, а их результат предсказуем; действия же, направленные на достижение таких результа-тов, как *вызвать у кого-л. радость <восхищение>*, в высокой степени индивидуальны и

⁵ Запрос S, nom HUM + убить, INDIC + S, асс HUM дает 224 вхождения в Основном корпусе, запрос S, nom ABSTR + убить, INDIC + S, асс HUM дает 127 вхождений.

⁶ Запрос S, nom ABSTR + S, асс HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 248 вхождений в Основ-ном корпусе, запрос S, nom HUM + S, асс HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 42 вхождения.

определяются обстоятельствами реальной жизни и конкретной ситуации, а их результат в высокой степени зависит от особенностей экспериенцера и поэтому не контролируется агенсом и не может быть гарантирован.

Лингвистически это значит, что степень контроля агенса над результатом у агентивных эмоциональных каузативов очень низка и, соответственно, каузальная связь между действиями и результатом опосредована и существенно более слаба, чем у физических каузативов. Семантически это означает, что в целом для агентивных эмоциональных каузативов характерна такая же двухуровневая семантическая структура, как и для неагентивных, при которой действие и результат (эмоциональная реакция на это действие) разделены по разным уровням смысла: указание на действие находится в **пресуппозиции**, а указание на результат – в **ассерции**. Таким образом, отрицание с эмоциональными каузативами обычно воздействует только на компонент ‘эмоциональная реакция’, но не компонент ‘действие’:

- (17) *Он не обидел ее своей бестактностью*
‘Он проявил бестактность, но ее это не обидело’.

Таким образом, большинство эмоциональных каузативов семантически устроены как неагентивные и лаборативные физические каузативы. Однако среди эмоциональных каузативов есть такие, которые допускают отрицание самого компонента ‘действие’; ср. неоднократно обсуждавшиеся в литературе примеры [Кустова 1996], где возможны обе сферы действия:

- (18) *Петя не огорчил маму двойкой*
‘Петя не получил двойку’ [отрицание действия];
‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ [отрицание реакции].

Что влияет на интерпретацию эмоциональных каузативов с отрицанием? В цитируемых работах постулируются особые контекстуальные условия, которые на это влияют – в частности, коммуникативная структура высказывания. При всей своей справедливости, этот аргумент не объясняет, почему для одних эмоциональных каузативов возможны разные типы взаимодействия с отрицанием, а у других нет, даже если они поставлены в нужный контекст. Как нам кажется, ответ на этот вопрос лежит, как и в случае физических каузативов, в плоскости лексической семантики. А именно, это зависит от семантики предиката и связано с контролем, в частности с конативностью. Однако в силу онтологических особенностей поля эмоций, контроль проявляется у эмоциональных каузативов несколько иным образом, чем у физических. Вообще класс эмоциональных каузативов намного уже, чем физических, поскольку количество эмоций ограничено. Более того, далеко не все эмоциональные реакции являются желательными и, соответственно, далеко не все эмоции люди пытаются намеренно вызвать, что в языке отражается в отсутствии соответствующих некоторым эмоциям синтетических каузативных глаголов. Ср., например, существительные *отвращение*, *презрение*, которые не имеют соответствующих каузативных глаголов. Даже наличие каузативного глагола не означает, что эмоция каузируется намеренно; ср., например, глаголы *возмущать*, *страшить*, которые не могут обозначать намеренных действий. Ниже устанавливается лексический состав эмоциональных каузативов, рассматриваются семантические типы агентивных эмоциональных каузативов и факторы, влияющие на их взаимодействие с отрицанием. В число факторов, влияющих на интерпретацию отрицания в сочетании с эмоциональными каузативами, входят, помимо семантики, также грамматические формы глагола (вид) и тип конструкции, в которой он употреблен.

2.1. Вид каузативного глагола

Для тех эмоциональных каузативов, которые в принципе допускают отрицание компонента ‘действие’ (*радовать*, *огорчать*, *злить*, *пугать*), существуют определенные благоприятствующие этому грамматические условия. Первый грамматический фактор,

влияющий на интерпретацию отрицания с эмоциональными каузативами, – это вид каузативного глагола. Для форм НЕСОВ отрицание обоих компонентов – ‘действие’ и ‘результат’ – более характерно, чем для соответствующих форм СОВ. Это связано с видо-временной семантикой, а именно с тем, что НЕСОВ в подобных сочетаниях имеет узуальное значение, а СОВ – результативное. По этой причине именная группа ТВОР со значением причины с формами НЕСОВ тяготеет к родовому статусу, а с формами СОВ – к конкретно-референтному. Ср. следующую пару примеров:

- (19) *Он не радуется ее частыми приходами*⁷
‘Он не приходит к ней’ – НЕСОВ, родовой статус, отрицание действия.
- (20) *Он не обрадовал ее приходом*
‘Он пришел к ней, но ее это не обрадовало’ – СОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата.

Как видно из этих примеров, родовой референтный статус облегчает попадание именной группы в сферу действия отрицания, в то время как конкретно-референтный статус именной группы это затрудняет. Однако это видовое распределение не носит абсолютного характера; при введении дополнительных элементов в контекст статус именной группы и, соответственно, сфера действия отрицания меняются:

- (21) *Он не радуется ее своими частыми приходами*
‘Он часто приходит к ней, но ее это не радует’ – НЕСОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата.
- (22) *За весь этот год он ни разу не обрадовал ее приходом*
‘За весь этот год он ни разу к ней не пришел’ – СОВ, родовой статус, отрицание действия.

Фраза (21) с глаголом в форме НЕСОВ указывает на отсутствие ожидаемой эмоциональной реакции на событие, в то время как (22) с глаголом в форме СОВ – на отсутствие самого события, которое могло бы вызвать эмоцию.

2.2. Тип конструкции

Интерпретация с отрицанием действия возможна для эмоциональных каузативов в абсолютивной конструкции, где указание на причину эмоции не выражено эксплицитно и привносится контекстом:

- (23) *Последние годы он не радуется читателям*
‘Последние годы он не пишет книги’.
- (24) ‘Книги, которые он пишет последние годы, не радуют читателей’.

Имплицитное указание на причину (действие агенса) может иметь ассертивный статус и попадать в сферу действия отрицания (интерпретация (23)) или находиться в пресуппозиции и быть вне сферы действия отрицания (интерпретация (24)).

Если же валентность причины (действие агенса) выражена эксплицитно, то отрицание действия возможно только в одной конструкции – если эта валентность выражена формой ТВОР. Конструкции, где валентность причины выражена деепричастием, допускают только отрицание результата:

- (25) *Петя не огорчил маму, получив двойку*
‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ – отрицание результата;
*‘Петя не получил двойку’ – отрицание действия.

---

⁷ В употреблениях с именной группой (ИГ) в родовом статусе семантика глагола *радовать* сильно ослаблена, т. е. он приближается к лексико-функциональному глаголу. От первоначального значения в нем сохраняется компонент ‘хорошее событие’.

Этим эмоциональные каузативы отличаются от интерпретативов, которые в аналогичной конструкции с деепричастием допускают обе интерпретации под отрицанием⁸:

- (26) *Иван не согрешил, изменив жене*
'Иван изменил жене, но это не грех' – отрицание интерпретации;
'Иван не изменил жене' – отрицание действия.

2.3. Степень контроля, конативность и сфера действия отрицания у эмоциональных каузативов

То, какие эмоциональные каузативы допускают разные СД отрицания, определяется, как и в случае физических каузативов, их семантикой. Как и у физических каузативов, семантическая структура и СД отрицания связаны с идеей контроля: чем выше степень контроля, тем теснее каузальная связь между семантическими компонентами 'действие' и 'результат' и тем вероятнее «одноуровневая» семантическая структура, где компонент 'действие' находится в ассерции и, соответственно, попадает в СД отрицания. Рассмотрим пару примеров:

- (27) *Он перестал злить учительницу своими выходками.*
(28) *Он перестал злить учительницу своей тупостью.*

Фразу (27) естественно интерпретировать как отсутствие соответствующего действия; она указывает на отсутствие причины для эмоции и, как следствие, на отсутствие эмоции. Фразу (28) естественно интерпретировать как отсутствие эмоции при наличии причины для нее. При этом (27) и (28) различаются характером каузатива – в первой фразе каузатив конативен, т.е. указывает на попытку агенса добиться результата, а во второй – нет.

Таким образом, как и в случае физических каузативов и семантики лаборативности, семантика конативности у эмоциональных каузативов влияет на взаимодействие глагола с отрицанием. Однако если для агентивных физических каузативов стандартной ситуацией является высокая степень контроля агенса и, соответственно, отрицание 'действия', а лаборативность, снижая степень контроля агенса над результатом, дает возможность «ухода» 'действия' в пресуппозицию, то для агентивных эмоциональных каузативов ситуация обратная. Большинство агентивных эмоциональных каузативов обозначает ненамеренные действия, т.е. такие, в которых результат (эмоциональная реакция) напрямую не связан с тем, что делает агент. Поэтому для них нормой является семантическая структура, где компонент 'действие' находится в пресуппозиции и, соответственно, не попадает под отрицание; ср. пример:

- (29) *Она не трогает меня своей игрой в этом спектакле*
'Она играет в этом спектакле; меня это не трогает' – отрицание реакции;
* 'Она не играет в этом спектакле' – отрицание действия.

Таким образом, конативность, указывающая на попытку достижения результата, увеличивает у эмоциональных каузативов степень контроля агенса и дает возможность

---

⁸ Разные интерпретации этой фразы возникают именно за счет разных интерпретаций предиката (либо в СД отрицания попадает только один компонент значения предиката – 'действие', либо оба компонента значения предиката – и компонент 'действие', и компонент 'интерпретация'), а не за счет того, попадает ли в СД отрицания деепричастный оборот. Те же две интерпретации возможны в абсолютном употреблении; ср.: *Он не согрешил* = а. 'Он не совершил поступка, который можно интерпретировать как грех'; б. 'Он совершил поступок, но его нельзя интерпретировать как грех'.

отрицания самого стимула. Конативность у эмоциональных каузативов – явление мало-распространенное. Ниже представлены тесты на конативность и результаты тестирования для поля эмоциональных каузативов.

2.3.1. Тесты на конативность каузатива

Для каузативов в качестве индикатора конативности рассматривается способность к употреблению в итеративных конструкциях вида *X-НЕСОВ*, *X-НЕСОВ*, *да и <и наконец> X-СОВ* [Плунгян, Рахилина 2010], где попытка, направленная на достижение результата *X*, создает видовую пару третьего типа по М.Я. Гловинской⁹ [Гловинская 1982; 2001]:

(30) *Он ее злил, злил и наконец разозлил.*

Кроме того, конативные эмоциональные каузативы, в отличие от неконативных, способны употребляться с фазовыми глаголами, указывающими на контролируемое прекращение действия: ср. возможность (31) и (32) при невозможности (33) и (34)¹⁰:

(31) *Он кончил ее запугивать.*

(32) *Он прекратил ее развлекать.*

(33) **Он кончил ее раздражать.*

(34) **Он прекратил ее радовать.*

Наконец, конативные каузативы, в отличие от неконативных, характеризуются способностью употребляться в актуально-длительном значении *НЕСОВ*.

(35) – *Что ты делаешь? – Учительницу злю.*

(36) – *Что ты делаешь? – Сестру пугаю.*

(37) – *Что ты делаешь? – *Бабушку возмущаю.*

2.3.2. Конативные каузативы в разных типах эмоций

Применим сформулированный тест к каузативам разных типов эмоций. Обнаруживается, во-первых, что далеко не все типы эмоций в принципе позволяют формирование синтетических каузативов; так, они отсутствуют в следующих эмоциональных кластерах в русском языке (о понятии эмоционального кластера см. [В. Апресян 2011]): ‘ОТВРАЩЕНИЕ’, ‘ГОРДОСТЬ’, ‘ЖАЛОСТЬ’ (ср., впрочем, *бить на жалость*, *разжалобить*), ‘РЕВНОСТЬ’, ‘ЗАВИСТЬ’, ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’, ‘ПРЕЗРЕНИЕ’. Каузация соответствующих эмоций обозначается лексико-функциональным глаголом *вызывать* (а также *внушать* и *доставлять* для некоторых типов эмоций) в сочетании с названием эмоции.

Отсутствие синтетического каузатива в кластере ‘ОТВРАЩЕНИЕ’ является, по-видимому, особенностью русского языка; ср. английский каузатив *to disgust* или немецкий *apekeln* ‘вызывать отвращение’.

То же самое, по-видимому, верно для ‘ЖАЛОСТИ’; ср. немецкое *erbarmen* ‘вызывать жалость, сострадание’ или французское *apitoyer* ‘вызывать жалость’. Каузативы

⁹ Вообще же типичные для эмоциональных каузативов видовые пары типа *радовать – обрадовать*, *восхищать – восхитить*, *обижать – обидеть* можно отнести скорее к четвертому типу видового противопоставления по М.Я. Гловинской.

¹⁰ В качестве тестового контекста используется именно сочетаемость с намеренным предикатом *прекратить*, а не с более нейтральным *перестать*, который не маркирован по намеренности / ненамеренности; ср.: *Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то перестал ее раздражать*, при невозможности **Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то прекратил ее раздражать*.

бить на жалость и *разжалобить* в данной связи не рассматриваются, так как первый не допускает употребления в конструкции с ТВОР, в которой тестируется СД отрицания для эмоциональных каузативов, а второй имеет только форму СОВ, в которой отрицание для всех каузативов воздействует, как правило, только на компонент 'результат'.

Что касается эмоций кластеров 'ГОРДОСТЬ', 'РЕВНОСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', отсутствие синтетических каузативов, по-видимому, носит достаточно универсальный характер (они отсутствуют и в других европейских языках) и связано с относительно произвольным характером их каузации: если для эмоций типа 'СТРАХ' существует прямая связь между стимулом и эмоцией, для перечисленных четырех типов эмоций эта связь существенно более опосредована и менее обязательна. В некотором смысле это эмоции-«интерпретации» – их может вызвать любой объект, а также любое состояние, свойство или действие, если экспериенсер воспринимает и расценивает их определенным образом.

Синтетические каузативы присутствуют в следующих эмоциональных кластерах: 'СТРАХ' (*пугать, запугивать, страшить, ужасать, тревожить, беспокоить*), 'ГНЕВ' (*возмущать, гневить, сердить, злить, раздражать, бесить*), 'РАДОСТЬ' (*радовать, восхищать, веселить, развлекать*), 'ГРУСТЬ' (*расстраивать, огорчать, печалить, разочаровывать*), 'СТЫД' (*смуцать, конфузить*; глагол *стыдить* не рассматривается, поскольку указывает на конкретное речевое действие), 'ОБИДА' (*уязвлять, задевать, обижать*), 'УДИВЛЕНИЕ' (*удивлять, изумлять, шокировать, ошеломлять, потрясать*), 'УМИЛЕНИЕ' (*умилять, трогать*). Кроме того, есть еще некоторое количество эмоциональных каузативов, указывающих не на конкретную эмоцию, а на общее повышение и снижение эмоционального фона: *волновать, будоражить, возбуждать, успокаивать*.

Далеко не все из перечисленных каузативов агентивны: так, *страшить* и *ужасать* обычно описывают эмоцию, внушаемую какими-то явлениями или событиями, находящимися вне контроля человека:

- (38) *Меня страшит неминуемая гибель.*
- (39) *Меня ужасает его вид.*

Эта эмоция не может являться результатом действий агенса:

- (40) **Он меня страшит <ужасает> своими мрачными пророчествами.*

Неагентивны также каузативы *печалить* и *уязвлять*:

- (41) *Меня печалит его судьба.*
- (42) **Он печалит меня своими мрачными пророчествами.*
- (43) *Меня уязвляет его равнодушие.*
- (44) **Он уязвляет меня своими презрительными замечаниями.*

Прочие каузативы имеют агентивные употребления, однако различаются по степени намеренности и конативности. Так, некоторые из агентивных каузативов не указывают на намеренные действия агенса, направленные на стимулирование определенной эмоциональной реакции. Намеренность vs. ненамеренность каузатива проверяется его способностью к употреблению в императивных и прохибитивных конструкциях. Ср. намеренные каузативы в (45) и (46) и ненамеренные в (47) и (48):

- (45) *Радуй родителей.*
- (46) *Не расстраивай свою учительницу.*
- (47) **Умиляй свою бабушку.*
- (48) **Не возмущай своего отца.*

Намеренные каузативы указывают на бóльшую степень контроля, чем ненамеренные. Среди намеренных каузативов еще большей степенью контроля выделяются конативные, предполагающие **попытку** достижения результата. Конативность проверяется тестом на употребление в конструкции *X-НЕСОВ, X-НЕСОВ, да и <и наконец> X-СОВ*; ср. конативный каузатив в (49) и неконативный в (50):

- (49) *Он ее запугивал, запугивал и запугал.*
(50) **Он ее беспокоил, беспокоил и обеспокоил.*

По итогам двух тестов агентивные эмоциональные каузативы делятся на следующие три группы:

а) Ненамеренные каузативы, предполагающие наименьшую степень контроля, от чего они неспособны к употреблению в императиве и прохибитиве. В их число входят глаголы *возмущать, восхищать, изумлять, потрясать, ошеломлять, трогать, умилять*. Ср. их невозможность в императивных конструкциях, а также с наречиями со значением целенаправленности:

- (51) **Не возмущай меня своими выходками.*
(52) **Не беспокой родителей неожиданными отъездами.*
(53) **Почаще восхищай своих поклонников.*
(54) **Не изумляй <не ошеломляй> меня так!*
(55) **Умиляй <трогай> бабушку и дедушку.*
(56) **Он нарочно возмутил <обеспокоил, восхитил, потряс, изумил, ошеломил> своих родственников.*
(57) **Она специально умилила <тронула> маму.*

б) Намеренные каузативы, в число которых входят глаголы, способные указывать на намеренное действие, направленное на каузацию определенной эмоции; все они имеют также «ненамеренные» употребления. Это глаголы *тревожить* (в значении ‘вызывать тревогу’, а не ‘мешать’), *беспокоить* (в значении ‘вызывать беспокойство’, а не в значении ‘мешать’), *гневить* и (устар.) *гневать, сердить, раздражать, бесить, радовать, расстраивать, огорчать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, разочаровывать, волновать, будоражить, возбуждать*. Они способны употребляться в императивных или прохибитивных конструкциях, однако не встречаются в конативной конструкции с повтором. Ниже приводятся примеры из НКРЯ на императивные и прохибитивные конструкции (кроме примеров-речений в (58)–(60)).

- (58) *Не задевай <не уязвляй> его самолюбие постоянными насмешками.*
(59) *Не возбуждай ребенка перед сном.*
(60) *Не беспокой ее своими страхами.*
(61) – *Вы не рассказывайте Владимиру Ильичу о моей болезни, – предупредила Мария Александровна, – не тревожьте его* [З. Воскресенская. Сердце матери (1963–1965)].
(62) *Государь царевич, ваше высочество, не гневи Бога, не говори слов неистовых!* [Д. Мережковский. Петр и Алексей (1905)].
(63) *Ты меня не серди — ты видел, как я бываю грозен?* [Е. Шварц. Голый король (1934)].
(64) *Не раздражай веселых своим унынием, а хмурых весельем* [М. Веллер. Карьера в Никуда (1988)].
(65) *Слушай, не беси меня. Я ведь прикончу тебя раньше, чем ты пикнешь* [Д. Биленкин. Космический бог (1967)].
(66) *Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!* [Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети (1992)].
(67) *Петенька, не упрямясь, не огорчай маму, прочитай бабушке Корнею «Мойдодыра»...* [Л. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский (1971)].
(68) *Я поднял руки: – Не разочаровывайте меня. Я был лучшего мнения о достижениях медицины* [А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха (1987)].

- (69) *Обождите три дня; если не передумаете – смело навещайте будущих родичей и **радуйте** их известием* [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)].
- (70) *А ты, пожалуйста [...] **не смущай** Гостя своими дикими выкриками* [А. Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001].
- (71) *– Хоть перед ребятами-то меня **не конфузьте**, Андрей Иванович* [А. Мусатов. Стожары (1948)].
- (72) *Я, может, еще удивить вас хочу. – О, давай, **удивляй!** – заорали они* [А. Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)].
- (73) *Старайтесь быть более тактичным и сдержанным, **не шокируйте** окружающих своими экстравагантными поступками* [Гороскоп на неделю (2002) // «Вечерняя Москва»].
- (74) *Бутербродов-то, бутербродов-то не жалейте, **не обижайте** нашего буфетчика Ермолая Ивановича!* [М. Булгаков. Театральный роман (1936–1937)].
- (75) *Уходи, а то щас вот придет, **не волнуй**, знаешь отца, не хочет он тебя видеть* [О. Павлов. Дело Матюшина (1996)].
- (76) *Галя острит: «**Не будоражь** мальчика». Спокойно отвечаю: «У меня другой талант – **успокаивать**»* [Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)].

Употребление агентивных эмоциональных каузативов, принадлежащих к этой, наиболее многочисленной, группе, в конативной конструкции с повтором невозможно, ср. странность или невозможность следующих примеров:

- (77) ^{??}*Он ее тревожил, тревожил и растревожил <беспокоил, беспокоил и обеспокоил; гневал, гневал и разгневал; сердил, сердил и рассердил; раздражал, раздражал и раздражил; бесил, бесил и взбесил; радовал, радовал и обрадовал; расстраивал, расстраивал и расстроил; огорчал, огорчал и огорчил; смущал, смущал и смутил; конфузил, конфузил и сконфузил; обижал, обижал и обидел; удивлял, удивлял и удивил; волновал, волновал и разволновал>.*
- (78) ^{*}*Он ее уязвлял, уязвлял и уязвил <задевал, задевал и задел; шокировал, шокировал и шокировал; разочаровывал, разочаровывал и разочаровал>.*

Они не употребляются и в других конструкциях, свидетельствующих о наличии целенаправленного усилия; ср. невозможность фраз типа **Он меня радует, а я не радуюсь*.

в) Третью группу составляют конативные каузативы, которые указывают на целенаправленное **усилие** агенса по каузации эмоции и наибольшую степень его контроля над результатом, хотя результат в виде эмоциональной реакции никогда не является гарантированным; ср.: *Он пугает, а мне не страшно* (Л.Н. Толстой о Л. Андрееве). В число конативных входят каузативы *пугать, запугивать, злить, веселить, развлекать*. Они употребляются в конативной конструкции с повтором, а также в ряде других контекстов, указывающих на сознательное усилие, направленное на достижение определенного эмоционального результата, в частности с контролируруемыми фазовыми глаголами *кончить* и *прекратить*:

- (79) *Он ее пугал, пугал и испугал.*
- (80) *Он ее запугивал, запугивал и запугал.*
- (81) *Он ее злил, злил и разозлил.*
- (82) *Он ее веселил, веселил, но так и не развеселил.*
- (83) *Он ее развлекал, развлекал, но так и не развлек.*
- (84) *Он ее успокаивал, успокаивал и успокоил.*

Ср. также примеры из корпуса, указывающие на контролируемое усилие агенса:

- (85) *Он за огромные деньги купил всех звезд эстрады и направил гастролировать по стране с установкой: **развлекать, развлекать и развлекать** народ чтобы, вызвав у него радость, между прочим дать ему понять: Ельцин – это клево, Ельцин – это классно, Ельцин – это обалденно* [Д. Тукмаков. Информвойна народная, священная война... (2001) // «Завтра»].

- (86) – *Да ладно пугать-то, – буркнул я. – На фронте пугали, пугали... Теперь ты допугиваешь* [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)].
- (87) *Через несколько лет она зазнается, заведет кучу телохранителей и к ней уже будет не подойти. – Прекрати пугать человека! – улыбнулась будущая знаменитость* [М. Милованов. Естественный отбор (2000)].
- (88) – Ты меня *запугиваешь?* – *Запугиваю*, – соглашаюсь я. – *Пытаюсь*, во всяком случае [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)].
- (89) *Старшая сестра этой девушки, Эмилия Верзиллина, рассказывала о Лермонтове: «Мишель постоянно дразнил меня, **пытаясь разозлить**»* [Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].
- (90) *Вале кое-как удалось успокоить деда – она пообещала, что сделает все, как он хочет* [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)].

В этой группе глагол *запугивать* обладает наибольшей степенью конативности в том смысле, что для него невозможны никакие другие употребления. *Запугивать* – это всегда целенаправленная попытка *запугать* со стороны агенса, невозможно **нечаянно запугать* (хотя возможно *нечаянно испугать*). Обобщая результаты тестов, можно расположить агентивные эмоциональные каузативы на шкале контроля от наиболее контролируемых конативных к наименее контролируемым ненамеренным (размер шрифта маркирует степень конативности и контроля):

- (91) **ЗАПУГИВАТЬ, ЗЛИТЬ, ПУГАТЬ, ВЕСЕЛИТЬ, РАЗВЛЕКАТЬ, УСПОКАИВАТЬ**, ГНЕВИТЬ, ГНЕВАТЬ, СЕРДИТЬ, РАЗДРАЖАТЬ, БЕСИТЬ, ТРЕВОЖИТЬ, БЕСПОКОИТЬ, РАДОВАТЬ, РАССТРАИВАТЬ, ОГОРЧАТЬ, РАЗОЧАРОВЫВАТЬ, СМУЩАТЬ, КОНФУЗИТЬ, УЯЗВЛЯТЬ, ЗАДЕВАТЬ, ОБИЖАТЬ, УДИВЛЯТЬ, ШОКИРОВАТЬ, ВОЛНОВАТЬ, БУДОРАЖИТЬ, ВОЗБУЖДАТЬ, возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять.

Как видно из списка агентивных каузативов в целом, в него вошли обозначения большинства **базовых** эмоций [Izard 1991; Ekman 1999] – гнева, радости, страха, удивления, грусти, стыда. Отсутствует обозначение отвращения, но, как было сказано выше, это особенность русской языковой картины мира. Кроме того, присутствуют показатели каузации общего повышения и понижения эмоционального фона, а также трудноопределимой, но положительной эмоции-отношения, которая была условно названа ‘УМИЛЕНИЕМ’ – *трогать, умилять*.

При этом наибольшая степень конативности и контроля агентивных каузативов свойственна в первую очередь кластеру ‘СТРАХ’ (*запугивать*) и в чуть меньшей степени – сразу четырем эмоциональным кластерам – ‘ГНЕВУ’ (представленному подтипом *злить*), ‘СТРАХУ’ (представленному подтипом *пугать*), ‘РАДОСТИ’ (представленной подтипами *веселить, развлекать*) и ‘ПОКОЮ’ (*успокаивать*). Их непосредственным стимулом часто служит направленная на их каузацию попытка человека.

Интересен вопрос о том, почему именно эти эмоции чаще, чем другие, возникают как результат сознательных и контролируемых действий агенса. Потребность в каузации ‘РАДОСТИ’ и ‘ПОКОЯ’ представляется достаточно очевидной. ‘РАДОСТЬ’ – это базовая положительная эмоция, а ‘ПОКОЙ’ – отсутствие отрицательных эмоций и ненормально повышенного эмоционального фона. Однако почему в языке зафиксирована явная потребность в каузации ‘СТРАХА’ и ‘ГНЕВА’? Относительно ‘СТРАХА’ ответ тоже представляется достаточно очевидным: вызывая эту эмоцию у оппонента, агент приобретает желаемый контроль над ним. Что же касается ‘ГНЕВА’, то здесь мотивация менее очевидна, так как эмоции этого кластера могут вызывать агрессивное ответное поведение и, таким образом, потенциально опасны для их объекта. Однако один подтип ‘ГНЕВА’, а именно *злиться*, по-видимому, представляет собой исключение из этого правила. Дело в том, что другие типы ‘ГНЕВА’, такие как *гневаться, сердиться, возмущаться, раздражаться*, предполагают либо равный статус экспериенцера и объекта, либо более высокий статус

экспериментера (*гневаются, возмущаются*). Соответственно, экспериментер в большей степени владеет ситуацией, нежели каузатор эмоции: экспериментер может как скрыть свою эмоцию, так и направить ее на каузатора неприятным для того образом. Однако эмоция *злости* часто указывает на бессилие экспериментера по отношению к каузатору эмоции, на его неспособность атаковать вызывающего эмоцию агенса в силу более низкого статуса (экспериментером *злости* часто бывает животное), и, таким образом, на отсутствие контроля над ситуацией со стороны экспериментера¹¹. В то же время эта эмоция весьма сильна и поэтому требует выражения, над которым, в отличие от *гнева* и *раздражения*, экспериментер также не имеет контроля¹². Таким образом, каузатор эмоции может получать удовольствие, наблюдая *бессильную злость* экспериментера и находясь при этом в безопасности. По-видимому, именно этот экстралингвистический факт отражен в конативности и высокой степени контроля у агентивного эмоционального каузатива *злить*¹³.

Глядя на противоположный полюс эмоциональных каузативов (ненамеренные каузативы), можно заметить, что наименьшая степень контроля свойственна в первую очередь сильным эмоциям кластера 'УДИВЛЕНИЕ' (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), поскольку они связаны с эффектами большой неожиданности и большого отклонения от нормы, которые трудно алгоритмизовать и контролировать. Кроме того, люди, по-видимому, не хотят становиться объектом праведного, этического гнева (*возмущать*). Они также не властны при помощи каких-то алгоритмически запланированных действий *восхищать* других людей, поскольку эта эмоция накладывает трудновыполнимое ограничение на объект эмоции – он должен очень сильно отклоняться от нормы в лучшую сторону. Не контролируемы также и нежные эмоции *трогать* и *умилять*, что связано, скорее всего, с непредсказуемым характером этого чувства: если существуют алгоритмы внушения *страсти* и даже *любви*, то *нежность* возникает произвольно.

Промежуточное положение большей части каузативов на этой шкале (*гневить, (устар.) гневать, сердить, раздражать, бесить, тревожить, беспокоить, радовать, растраивать, огорчать, разочаровывать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, волновать, будоражить, возбуждать*) указывает на то, что большая часть эмоций возникает спонтанно, а не в результате специально прилагаемых усилий, но что при этом люди обычно в состоянии, совершая или не совершая определенные действия, постараться добиться желаемого эмоционального результата.

Итак, эмоции, которые люди обычно стараются и могут вызвать своими намеренными усилиями, – это злость, испуг и веселье. Их объединяет то, что, помимо отворачивания, это наиболее физиологичные из всех эмоциональных реакций. Они, во-первых, сопровождаются явными физическими проявлениями (повышение температуры тела для злости, понижение температуры тела для испуга, смех для веселья), во-вторых, они наименее рационализированы (свойственны, в частности, не только людям, но и животным), а также наиболее непосредственно связаны с внешним стимулом. При этом их стимулы в меньшей степени привязаны к конкретным ситуациям, чем у других эмоций – существуют достаточно универсальные способы *злить, пугать* и *веселить (смешить)*. Например, *испугать* можно любого человека, неожиданно выпрыгнув из-за угла или подкравшись со спины, а вот для того, чтобы *порадовать*, необходимо искать более индивидуальные подходы, поскольку эта эмоция рационализирована, опосредована и возникает, проходя через некоторую систему оценок, которая у всех людей различна.

---

¹¹ По данным НКРЯ, частотность сочетаний *бессильная злость* и *бессильная злость* (9,6 на млн употреблений) почти в четыре раза превышает частотность сочетаний *бессильный гнев* и *бессильное раздражение* (2,5 на млн употреблений).

¹² По данным НКРЯ, частотность сочетаний *скрыть гнев* и *скрыть раздражение* (3,4 на млн употреблений) почти в девять раз превышает частотность сочетаний *скрыть злость* и *скрыть злость*.

¹³ Ср. наречие *назло*, лексикализующее ту же идею – целенаправленной каузации эмоции *злости*. Ни у какой другой эмоции в русском языке целенаправленная каузация не достигает такой степени грамматикализации.

2.3.3. Семантическая структура разных типов эмоциональных каузативов

В семантической структуре неконативных ненамеренных каузативов (*возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять*), предполагающих наименьшую степень контроля агенса над результатом, каузативный компонент (действие) имеет статус **пресуппозиции**, а эмоциональная реакция – статус **ассерции**. Кроме того, у некоторых из них есть оценочные модальные рамки: у *возмущать* говорящий оценивает эмоцию как оправданную, у *восхищать* говорящий оценивает объект чувства как существенно лучший, чем среднестатистический объект такого типа. Отрицание с ними либо не сочетается – из-за модальных рамок или из-за семантики высокой степени (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), либо воздействует только на компонент ‘результат’.

- (92) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (93) ??*Он больше не возмущает учительницу наглými шутками.*
(94) ??*Он больше не восхищает <не изумляет, не потрясает, не ошеломляет> слушателей своей игрой.*
(95) *Она не умиляет <не трогает> меня своей наивностью*
‘Она наивна; меня это не трогает’.

В семантической структуре неконативных намеренных каузативов (*гневить, (устар.) гневать, сердить, раздражать, бесить, тревожить, беспокоить, радовать, расстраивать, огорчать, разочаровывать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, волновать, будоражить, возбуждать*), предполагающих промежуточную степень контроля агенса над результатом, статусы каузативного компонента (‘действие’) и ‘эмоциональной реакции’ не фиксированы: каузативный компонент «плавает»¹⁴ между **пресуппозицией** и **ассерцией**, а статус ‘эмоциональной реакции’ – между **ассерцией** и **имплицитивом**. Соответственно, под отрицание у этих предикатов могут попадать как оба компонента значения (если ‘действие’ – ассерция, а ‘эмоциональная реакция’ – имплицитив), так и только ‘результат’ (если ‘действие’ – пресуппозиция, а ‘эмоциональная реакция’ – ассерция). Семантическая структура для тех употреблений, где каузатив указывает на намеренное действие, такова:

- (96) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Человек A1 совершает действия A3 (ассерция), которые вызывают эмоцию X у человека A2 (имплицитив)’.

Семантическая структура для тех употреблений, где каузатив указывает на ненамеренное действие, такова:

- (97) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (98) *Он больше не огорчает <не расстраивает, не сердит> родителей прогулами*
‘Он больше не прогуливает’ – отрицание действия.
(99) *Он меня совершенно не огорчает <не расстраивает, не сердит> своей независимостью*
‘Он независимый, но это не вызывает у меня эмоций’ – отрицание результата.

¹⁴ Ср. термин М. Филипенко «плавающая сфера действия» в применении к нефиксированной СД, которая может меняться [Филипенко 1998]. Термин «плавающая пресуппозиция» образован аналогичным способом, для обозначения пресуппозиции, которая может менять свой статус в семантической структуре.

- (100) *Он перестал смущать ее навязчивыми ухаживаниями*
 ‘Он перестал за ней ухаживать’ – отрицание действия.
- (101) *Он больше не смущает меня своими неприличными шутками*
 ‘Он шутит, но меня это не смущает’ – отрицание результата.

В семантической структуре конативных каузативов (*злить, пугать, запугивать, веселить, развлекать, успокаивать*) статус каузативного компонента (‘действие’) – **ассерция**, статус ‘эмоциональной реакции’ – **имплицатив**. Для этой группы примеров предпочтительной интерпретацией является интерпретация с отрицанием действия: прекращаются попытки, направленные на каузацию эмоции, и, как следствие, прекращается сама эмоция.

- (102) *А1 Х-ит А2 своим А3* ‘Человек А1 совершает действия А3, направленные на то, чтобы вызвать эмоцию Х у человека А2, отчего человек А2 испытывает эмоцию Х’.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (103) *Он больше не злит учительницу глупыми выходками*
 ‘Он больше не совершает глупых выходок’.
- (104) *Он больше не пугает одноклассников страшными рожами*
 ‘Он больше не корчит страшные рожи’.
- (105) *Он больше не веселит <не развлекает> домашних смешными шутками*
 ‘Он больше не шутит’.
- (106) *Он больше не успокаивает ее заверениями, что все будет хорошо*
 ‘Он больше не говорит, что все будет хорошо’.

Ср. также примеры из НКРЯ, где у конативных каузативов в СД отрицания попадает указание на само совершение действия, направленное на достижение эмоциональной реакции:

- (107) *Меня никто никогда **не развлекал**, не уговаривал, не призывал и **не веселил*** [Д. Смирнова. Моя замечательная жизнь (1997) // «Столица»].
- (108) – *Ну ладно, кончай! – грубо оборвал я его. – **Меня ты можешь не развлекать*** [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].
- (109) – *Уж так плохо дело?... – спрашивал он, **не успокаивая**, не утешая* [Ф. Кнорре. Шорох сухих листьев (1967)].
- (110) *Советов глупых он не давал ни разу; красок не сгущал, **не запугивал**, но и **не успокаивал*** [Д. Фурманов. Мятеж (1924)].

Для глагола *запугивать*, как было сказано выше, отрицание действия является вообще единственной возможной интерпретацией.

Общая особенность намеренных и конативных каузативов, вытекающая из их семантической структуры (ассертивный статус семантического компонента ‘действие’), – способность употребляться в режиме номинации, для обозначения действий, а не эмоциональных реакций. В таких употреблениях эмоциональный компонент приобретает характер интерпретационности: действие интерпретируется как способное вызвать ту или иную эмоцию. Способность самостоятельно употребляться в качестве номинации самого действия отмечается для глагола *порадовать* в работе [Зализняк, Шмелев 2012], а также для глаголов *обрадовать, огорчить, обидеть, напугать* в работе [Кустова 2004: 22], ср. ниже примеры из этих работ:

- (111) *Исполнители нас сегодня порадовали* (= ‘хорошо исполнили’).
- (112) *Сегодня Петя опять огорчил маму* (= получил двойку).
- (113) *Он обидел сестру* (= не пришел на день рождения).
- (114) *Пойдем его обрадуем* (= скажем).
- (115) *Давай его напугаем* (= сделаем).
- (116) *Сегодня Петя не огорчил маму двойкой* (= не получил двойку).

Данное исследование позволяет существенно расширить круг предикатов со значением каузации эмоции, для которых возможно употребление в режиме номинации. В него входят конативные каузативы, а также многие глаголы из списка намеренных каузативов. Более того, для некоторых эмоциональных каузативов употребление в режиме косвенной номинации действия является предпочтительным (таковы глаголы *разочаровывать*, *запугивать*) или единственно возможным (таков глагол *гневить*, который можно считать интерпретационным), ср.:

- (117) *Так же обстоит дело и с публично кающимися – они **гневят** Бога, похваляясь своими злодеяниями, и все погибли* [А. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)].
- (118) *Он **разочаровал** всех в конце сезона – сразу после того, как стало известно о его переходе в следующем году в McLaren* [Б. Мурадов. Трагикомическая одиссея 2001, или Семнадцать мгновений весны, лета и осени (2001) // «Формула»].
- (119) *Воры или подкупали местного врача, или **запугивали**, и врач сочинял фальшивый медицинский документ* [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Употребление в режиме косвенной номинации возможно также для глаголов *сердить*, *бесить*, *расстраивать*, *смуцать*, *удивлять*, *шокировать*.

Суммируя, можно сказать, что, как и в случае с физическими каузативами, лексическая семантика эмоционального каузатива, а именно, степень контроля агенса, влияет на статус и характер семантического компонента ‘действие’ в его семантической структуре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием и другие лингвистические свойства.

3. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ

Интерпретативы, как и эмоциональные и физические каузативы, представляют собой неоднородную с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием группу. Некоторые из них допускают отрицание и действия, и интерпретации, некоторые – только интерпретации. Выдвигаемое в статье предположение о связи степени контроля агенса над результатом с семантической структурой предиката и сферой действия отрицания на него представляется применимым и к интерпретативам. В работе [Апресян 2006б] выделяются следующие группы интерпретативов: этические (*баловать*), религиозные (*грешить*), юридические (*нарушать закон*), истинностные (*ошибаться*). Семантическая структура интерпретативов описывается в данной работе следующим образом:

- (120) ‘1. поступок P – пресуппозиция; 2. интерпретация его как Q – ассерция’.

В указанной работе отмечается, что пресуппозиция у интерпретативов может попадать под отрицание, особенно в абсолютном употреблении и/или в контексте квантора всеобщности: *Он ни разу не согрешил; Он никогда не ошибается*. Поэтому прототипической формой употребления интерпретативов считается форма НЕСОВ с зависимым деепричастием со значением интерпретируемого поступка:

- (121) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом.*

Однако выясняется, что у некоторых интерпретативов даже в этой конструкции компонент ‘действие’ может попадать под отрицание; ср. следующие примеры, где такое прочтение является предпочтительным и глагол употреблен в режиме косвенной номинации, а не в режиме интерпретации:

- (122) *Он не заваливал ее на экзамене, задавая вопросы по литературе XVIII века*
‘Он не задавал ей вопросов по литературе XVIII века’.
- (123) *Он не унижал ее, называя идиоткой*
‘Он не называл ее идиоткой’.
- (124) *Она не наказывала сына, ставя в угол*
‘Она не ставила сына в угол’.

Для некоторых интерпретативов возможны оба чтения:

- (125) *Он не грешил, говоря неправду*
а. 'Он не говорил неправду' – отрицание действия;
б. 'Он говорил неправду, но это не грех' – отрицание интерпретации.
- (126) *Он не нарушал закон, обгоняя по встречной*
а. 'не обгонял по встречной' – отрицание действия;
б. 'обгонял по встречной, но это не нарушение' – отрицание интерпретации.

Для некоторых интерпретативов в этой конструкции возможно только отрицание интерпретации:

- (127) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом*
а. 'Он считает ее хорошим специалистом, и это не ошибка' – отрицание интерпретации;
б. *'Он не считает ее хорошим специалистом' – отрицание ментального состояния.
- (128) *Он не заблуждается, думая, что времени совсем не осталось*
а. 'Он думает, что времени не осталось, и это не заблуждение' – отрицание интерпретации;
б. *'Он не думает, что времени не осталось' – отрицание ментального состояния.

Итак, чем объясняются разные особенности взаимодействия с отрицанием для разных видов интерпретативов? Представляется, что они связаны с семантическим типом интерпретатива.

Нетрудно заметить, что интерпретативы, для которых предпочтительно отрицание самого предмета интерпретации, указывают на осознанные, намеренные, контролируемые действия (*заваливать, унижать, наказывать*), у которых усилие агенса направлено на достижение именно того результата, который предполагается интерпретацией (то есть на то, чтобы *завалить, унижить, наказать*).

Интерпретативы, которые допускают только отрицание самой интерпретации, предполагают неконтролируемые ментальные процессы (*ошибаться, заблуждаться*); думая что-то, человек, во-первых, не контролирует себя, во-вторых, не ставит себе целью *ошибиться*.

Интерпретативы, для которых возможны оба варианта, указывают на ненамеренные, но до известной степени контролируемые действия (*грешить, нарушать закон*). Совершая их, люди контролируют свое поведение, однако не контролируют результат, предполагаемый интерпретацией; иными словами, они стремятся получить удовольствие или выгоду, а не *согрешить* или *нарушить закон*.

Как и в случае с другими рассмотренными предикатами, роль играет именно семантика контроля, и в соответствии с ней интерпретативы делятся на намеренные и контролируемые (*заваливать, унижать, наказывать*), ненамеренные, но контролируемые (*грешить, нарушать закон*) и ненамеренные и неконтролируемые (*ошибаться, заблуждаться*).

Для намеренных контролируемых интерпретативов в форме НЕСОВ характерны **ассертивный** статус обоих компонентов значения – 'действие' и 'интерпретация' – и соответственно отрицание обоих компонентов значения:

- (129) *A1 X-ует, делая A2 = 'A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)'*.

Для промежуточных по степени контроля ненамеренных контролируемых интерпретативов характерен промежуточный, неопределенный статус компонента 'действие', который, как и у промежуточных по степени контроля эмоциональных каузативов, «плавает» между **ассерцией** и **пресуппозицией**. Отрицание поступка для них возможно, хотя предпочтительно только отрицание интерпретации:

- (130) *A1 X-ует, делая A2 =*
а. 'Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)';
б. 'A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)'.

Для неконтролируемых интерпретативов компонент ‘действие’ имеет статус **пре-суппозиции** и поэтому не поддается отрицанию:

- (131) *A1 X-ует, делая A2* = ‘Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)’.

В этом отношении интерпретативы ведут себя так же, как другие рассмотренные предикаты – чем выше степень контроля, тем теснее связь между действием и результатом, тем доступнее компонент ‘действие’ для отрицания. В некотором приближении это семантическое деление соответствует делению, предложенному в работе [Апресян 2006б]:

- а. намеренные и контролируемые интерпретативы соответствуют **этическим**;
- б. ненамеренные, но частично контролируемые – **юридическим и религиозным**;
- в. ненамеренные и неконтролируемые – **истинностным**.

Это вполне логично: совершая контролируемые и намеренные действия, люди несут за них моральную ответственность, что привносит этическую оценку в интерпретатив.

При этом, как правило, люди не стремятся к совершению ошибок, но и не могут контролировать их совершение, что объясняет особенности истинностных интерпретативов.

И, наконец, промежуточное положение юридических и религиозных интерпретативов тоже понятно: человек не стремится открыто нарушать **общепринятые** нормы морали, хотя часто совершает приятные для себя действия, которые их нарушают; он лишь, так сказать, не хочет быть застигнутым на месте преступления.

Однако в реальности картина сложнее. Во-первых, дело в том, что некоторые интерпретативы, отнесенные в работе [Апресян 2006б] к категории истинностных, имеют черты этических, например интерпретатив *обманывать*, который, в отличие от *ошибаться*, допускает обе интерпретации отрицания; ср.:

- (132) *Он не обманывал ее, говоря, что придет*
‘Он говорил, что придет, но это не было обманом’ – отрицание интерпретации;
‘Он не говорил, что придет (что было бы обманом)’ – отрицание действия.

Это свойство *обманывать* легко можно объяснить: поскольку, в отличие от *ошибаться*, *обманывать* обычно является намеренным и контролируемым действием, направленным именно на достижение результата *обмануть*, этот глагол имеет черты этического интерпретатива: везде, где присутствует контроль агенса над результатом действия, возможна этическая оценка. Таким образом, правильнее было бы квалифицировать *обманывать* не как истинностный интерпретатив, а как истинностно-этический.

Во-вторых, разные интерпретативы по-разному ведут себя в формах СОВ и НЕ-СОВ, в отличие от физических и эмоциональных каузативов, которые демонстрируют несколько более единообразное аспектуальное поведение. Так, некоторые интерпретативы первой группы в форме СОВ перестают допускать отрицание действия:

- (133) *Он не завалил ее, задав вопросы по литературе XVIII века*
‘Он задал ей вопросы по литературе XVIII века, но не завалил ее’.
(134) *Она не унизила его вопросами о здоровье*
‘Она задала ему вопросы о здоровье, но не унизила его’.

Однако интерпретативы второй группы не демонстрируют никаких дополнительных эффектов в форме СОВ, сохраняя возможность обеих интерпретаций отрицания; нет никакой разницы в СД отрицания между фразами *Он не грешит, изменяя ей* и *Он не согрешил, изменив ей*. Для них обеих предпочтительной является отрицание результата, но возможно также отрицание действия.

Эта неоднородность интерпретативов с точки зрения аспектуальных свойств объясняется, по-видимому, тем, что они представляют собой семантически существенно менее однородную группу, чем каузативы.

4. СООТНОШЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПО ГЛОВИНСКОЙ И ДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАТОВ НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПО СТЕПЕНИ КОНТРОЛЯ

Деление глаголов на аспектуальные классы по Гловинской коррелирует, но не полностью совпадает с их делением на семантические классы по типу взаимодействия с отрицанием, предлагаемым в данной работе. Рассматриваемые здесь целенаправленные физические каузативы частично относятся к классу 1Б по Гловинской; ср.: *вбить, втащить* [Гловинская 2001: 96–99], частично вообще не образуют видовых пар (моментальные глаголы). Моментальные каузативы (*захлопнуть, выплеснуть*) взаимодействуют с отрицанием следующим образом: в сочетании с отрицанием они обозначают отсутствие действия, ведущего к результату. Это происходит потому, что у них указание на действие, ведущее к результату, и указание на сам результат соединены и находятся в ассерции. При этом нельзя утверждать, что они вовсе не содержат указания на действие, а содержат только указание на результат. Во-первых, само понятие каузатива указывает на то, что результат возникает из-за чьих-то целенаправленных действий: так, для того чтобы *захлопнуть дверь*, нужно, чтобы какая-то часть тела (*рука, нога, плечо*) вошла с ней в контакт, после чего надо совершить резкое движение, направляющее дверь в дверной проем. Таким образом, всякий каузатив содержит две пропозиции – действие и результат, однако из-за своей моментальности действие может быть трудноразличимо как в реальном мире, так и в значении предиката. При этом сочетаемость моментальных глаголов указывает на то, что все-таки компонент ‘действие’ в их значении входит; ср. сочетания: *резко <с треском> захлопнул дверь, широким движением выплеснул воду из кувшина*, где адвербиалы характеризуют компонент ‘действие’, а не компонент ‘результат’. С точки зрения предлагаемой нами классификации физических каузативов по степени контроля моментальные каузативы описывают наиболее контролируемые действия, осуществляемые с наибольшей легкостью: так, нельзя **с трудом захлопнуть*, но можно *с трудом закрыть*, нельзя **с трудом выплеснуть*, но можно *с трудом вылить*. Соответственно, прототипически у таких каузативов действие всегда приводит к результату: если результата нет, значит, скорее всего, не было и действия. Таким образом, действие и результат находятся на одном семантическом уровне – в ассерции.

Что касается целенаправленных физических каузативов, которые указывают на накопление результата типа *вбить, втащить* (1 аспектуальный класс по Гловинской), то с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием здесь выделяются разные подтипы. *Втащить* является в нашей терминологии лабораторивом, т. е. предикатом, указывающим на большое усилие, требуемое для достижения результата. Лаборативы – наименее контролируемые из целенаправленных физических каузативов, поскольку, чем больше требуемое усилие, тем менее гарантирован результат. И поведение лабораторивов под отрицанием подтверждает гипотезу о связи степени контроля с семантической структурой предиката и его поведением под отрицанием: у лабораторивов указание на действие обычно не поддается отрицанию: *Он не втащил мешок в багажник, Он не втиснул книжку на полку* гораздо естественнее интерпретировать как неудавшиеся попытки, чем как отсутствие попытки. То есть у лабораторивов указание на действие находится в «нижнем» семантическом слове – в пресуппозиции, оно слишком «тяжелое», чтобы всплывать в верхний слой – в ассерцию. Большинство физических каузативов имеют промежуточный статус: они описывают «нормальные» – не слишком легкие и не слишком трудные, не слишком быстрые и не слишком долгие действия, ведущие к результату. Соответственно, компонент ‘действие’ имеет у них плавающий статус и может как оставаться, так и уничтожаться под отрицанием: сравни упоминавшиеся выше примеры, анализируемые в работе Карловской, типа *Он не вбил гвоздь*, где неизвестно, предпринималась ли агенсом такая попытка.

Что касается эмоциональных каузативов, то в работе Гловинской рассматриваются только нецеленаправленные эмоциональные каузативы, и все они справедливо относятся к 4 подтипу ‘в состоянии – начать быть в состоянии’ [Гловинская 2001: 117];

ср.: *Ее веселят мои ошибки, Меня пугает его состояние*. Однако, как было сказано выше, для эмоциональных каузативов нецеленаправленное употребление хотя и является прототипическим, но, как мы видим из анализа материала, не является единственно возможным (по крайней мере, для некоторых из них). Те эмоциональные каузативы, которые не бывают намеренными (*возмутить, восхищать* и пр. – об этом см. выше), действительно относятся к 4 классу. Они предполагают самую низкую степень контроля агенса над результатом; в соответствии с нашей гипотезой, указание на действие находится у них в пресуппозиции и под отрицанием сохраняется: *Он не восхищает нас своей игрой* значит, что он играет, но не вызывает эмоциональной реакции. Что касается намеренных эмоциональных каузативов, то они неоднородны с точки зрения степени контроля и, соответственно, взаимодействия с отрицанием. Каузативы типа *радовать* и *огорчать* предполагают меньшую степень контроля над результатом, чем конативные каузативы типа *запугивать, успокаивать, злить, веселить* (некоторые из них вообще не имеют ненамеренных употреблений; ср. неправильность **Меня запугивает его поведение*). Первые устроены скорее как деятельности (в частности, они не имеют актуально-длительного значения НЕСОВ), вторые – как действия-попытки (они имеют актуально-длительное значение НЕСОВ). В соответствии с нашей гипотезой о связи степени контроля с семантической структурой, конативные эмоциональные каузативы (предполагающие наибольшую степень контроля агенса над результатом) имеют указание на действие в ассерции, и при их отрицании отрицается сама попытка вызвать определенное эмоциональное состояние; ср.: *Он не запугивал меня, Она не успокаивала его, Он больше не злил одноклассников глупыми выходками, Он больше не веселил домашних забавными шутками*. Каузативы типа *радовать* и *огорчать*, предполагающие невысокую, хотя и ненулевую, степень контроля над результатом, как было показано выше, могут иметь обе интерпретации с отрицанием, что значит, что у них компонент ‘действие’ имеет «плавающий» статус – между пресуппозицией и ассерцией.

Таким образом, семантическая структура предикатов и их взаимодействие с отрицанием коррелирует, но только частично, с делением на аспектуальные классы. Точнее, правильнее было бы сказать, что деление на аспектуальные классы является на самом деле более дробным и зависит, в том числе, от значения, в котором рассматривается глагол, т. е. глаголы в разных значениях (например, намеренный и ненамеренный каузатив) должны быть отнесены к разным классам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в данной работе исследование позволяет установить новые связи между семантикой лексических единиц и их взаимодействием с отрицанием. Предлагается новое системное объяснение описанному в лингвистической литературе необычному поведению отрицания с некоторыми типами предикатов, а именно феномену, который в разных работах называется «переходом пресуппозиции в ассерцию»; «употреблением в режиме косвенной номинации действия» [Кустова 1996]; «имплицативным отрицанием» [в терминологии Е.В. Падучевой]. Работа предлагает новые подтверждения обоснованности фундаментальной классификации предикатов, в том числе категориям акциональности и конативности, а также развивает классификацию предикатов, представляя эмпирические свидетельства существования контролируемых действий и лабораторивов в качестве отдельных семантических подклассов предикатов, обладающих особыми свойствами. Статус компонента ‘действие’ в структуре каузативов и интерпретативов и способность этого компонента попадать под отрицание или избегать отрицания связываются со степенью контроля агенса над результатом: чем выше степень контроля, тем теснее связаны компоненты ‘действие’ и ‘результат’ в структуре значения и тем выше вероятность попадания компонента ‘действие’ в сферу действия отрицания, поскольку он приобретает, подобно компоненту ‘результат’, ассертивный статус. Эта тенденция представлена в схеме ниже, где стрелками обозначено увеличение степени контроля.

Схема

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Апресян 2006а – Ю.Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов // Ю.Д. *Апресян* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2006б – Ю.Д. *Апресян*. Основания системной лексикографии // Ю.Д. *Апресян* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2012 – Ю.Д. *Апресян*. Грамматика глагола в Активном словаре (АС) русского языка // Ю.Д. *Апресян* и др. (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М., 2012.
- В. *Апресян* 2010 – В.Ю. *Апресян*. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог'2010». Вып. 9 (16). М., 2010.
- В. *Апресян* 2011 – В.Ю. *Апресян*. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Ч. 1 // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
- В. *Апресян* 2013 – В.Ю. *Апресян*. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог'2013». Вып. 12 (19). М., 2013.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский 1990 – И.М. *Богуславский*. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2004 – И.М. *Богуславский*. Некоторые проблемы соединения смыслов слов (доклад на семинаре по теоретической семантике, Институт проблем передачи информации). 2004.
- Булдыгина 1982 – Т.В. *Булдыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.

- Гловинская 1982 – *М.Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2004 – *М.Я. Гловинская*. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.
- Зализняк, Шмелев 2012 – *А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Лексика радости // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев (ред.). Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
- Зельдович 1998 – *Г.М. Зельдович*. Русские временные квантификаторы // Wiener Slawistischer Almanach. 1998. Sdb. 46.
- Карловска 1990 – *А.К. Карловска*. Русские каузативы движения и перемещения (смысловый анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Кустова 1996 – *Г.И. Кустова*. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.
- Кустова 2004 – *Г.И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2009 – *Е.В. Падучева*. Лексическая аспектальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6.
- Плунгян, Рахилина 2010 – *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*. Тушат-тушат – не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Е.В. Рахилина (ред.). Construction linguistics. М., 2010.
- Филипенко 1998 – *М.В. Филипенко*. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 36. М., 1998.
- Ekman 1999 – *P. Ekman*. Basic emotions in Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999.
- Izard 1991 – *C.E. Izard*. The psychology of emotions. New York, 1999.
- McCawley 1972 – *J.D. McCawley*. Syntactic and logical arguments for semantic structures. Mimeograph, reproduced by Indiana University linguistics club. 1972.
- Mel'čuk 1995 – *I. Mel'čuk*. Syntactic, or Lexical zero in natural language // The Russian language in the meaning-text perspective // Wiener Slawistischer Almanach. 1995. Sdb. 39.

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна Апресян
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
 Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН
 vapresyan@hse.ru
 valentina.apresjan@gmail.com

Статья поступила в редакцию 5.09.2013.